

DOI 10.31250/2618-8619-2023-2(20)-153-163

УДК 393.05(=135.1)

Иван Михайлович Струтинский

Российский институт истории искусств
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Институт славяноведения Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7982-1017
E-mail: sevdbrif@gmail.com

Представления о неупокоившемся мертвце у румын долины Тимока*

АННОТАЦИЯ. Представления о «живом мертвце» чрезвычайно распространены на Балканском полуострове, но в каждом регионе они имеют свои отличительные особенности. В статье рассматриваются представления о «живом мертвце» — *морое* — у вlahов-румын долины реки Тимок. В ходе экспедиции в Заечарский и Борский округа Восточной Сербии автор собрал подробные повествования о «живых мертвцах» и комплексе связанных с ними обычаев. Рассказы жителей румынских сел Заечарского и Борского округов свидетельствуют о том, что возвращение покойников в мир живых людей связывается главным образом с нарушением каких-либо предусмотренных обычаем правил, реже — с личными качествами усопшего. Превращение покойника в «живого мертвца» в традиционном сознании обусловлено нарушениями порядка проведения погребальных и поминальных ритуалов и неблагоприятными обстоятельствами смерти — не дома, без свечи и заготовленной заблаговременно на день смерти одежды. Архаические представления о том, что смерть может стать также следствием несправедливой жизни, долгое время бытовали в христианском сознании. Последствием греховной жизни у вlahов-румын считается слишком долгое и мучительное умирание. Человек, который долго не может умереть, попадает в разряд «живых мертвцов» еще при жизни. Особый интерес вызывает такая фигура вlahской мифологии, как *moroi de viu*. Это человек, который еще при жизни обладал всеми характерными чертами «живого мертвца».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вlahи, румыны, похоронный обряд, живые мертвцы, локальная культура, быличка, устная традиция

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Струтинский И. М. Представления о неупокоившемся мертвце у румын долины Тимока. *Кунсткамера*. 2023. 2(20): 153–163. doi 10.31250/2618-8619-2023-2(20)-153-163

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>.

Ivan Strutynsky

Russian Institute of Art History
Saint Petersburg, Russian Federation,
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow Russian Federation
ORCID: 0000-0002-7982-1017
E-mail: sevdbrif@gmail.com

Representations of the Restless Dead among the Romanians of the Timok Valley*

ABSTRACT. The ideas about the “Restless Dead” are extremely common in the Balkan Peninsula, but in each region, they have their own distinctive features. The ideas about the “Restless Dead” — *the Moroï* — among the Vlachs-Romanians of the Timok River valley are considered. During his expedition to the Zaječar and Bor districts of Eastern Serbia, the author collected detailed narratives about the “Restless Dead” and the complex of customs associated with them. The stories of the inhabitants of the Romanian villages of the Zaječar and Bor districts testify that in the traditional consciousness, the return of the dead to the world of living people is associated mainly with the violation of any rules prescribed by custom, less often with the personal qualities of the deceased. The transformation of the deceased into a “Restless Dead” in the traditional consciousness is due to violations of the order of carrying out funeral and memorial rituals and unfavorable circumstances of death - not at home, without a candle and clothes prepared in advance for the day of death. Archaic ideas that death can also be the result of an unrighteous life have long existed in the Christian mind. Among the Vlachs-Romanians the consequence of a sinful life is considered to be too long and painful dying. A person who cannot die for a long time falls into the category of “Restless Dead” while still alive. Of particular interest is such a figure of Vlachian mythology as *moroï de viu*, who, being a living person, has all the characteristic features of a “Restless Dead”.

KEYWORDS: Vlachs, Romanians, funeral rite, restless dead, local culture, fairy tale, oral tradition

FOR CITACION: Strutynsky I. Representations of the Restless Dead among the Romanians of the Timok Valley. *Kunstkamera*. 2023. 2(20): 153–163. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2023-2(20)-153-163

* The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>.

Представления о «живых мертвецах» чрезвычайно распространены в Карпато-Балканском регионе. В ходе полевой работы, проведенной в мае и июне 2022 г. в Заечарском и Борском округах Восточной Сербии, нами было собрано немало рассказов, быличек о неупокоившихся мертвецах, записаны поверья, связанные с практиками воспрепятствования возвращению мертвецов в мир живых. Наша полевая работа проходила главным образом на территории расселения влахов-царан — села Шипиково (Špicova), Градсково (Grăscov), Мали Ясеновац (Mali Jasenovac), Халово (Alova), — а также в селе Шарбановац (Șarbanuț), где живут влахи-унгурияне. Новые данные, полученные при интервьюировании жителей долины Тимока, а также при съемках похорон и поминальных трапез (*номан*), дополняют картину современного состояния погребального обряда влахов-румын и могут быть полезными при картографировании некоторых похоронных обычаев и мифологических представлений о «живых мертвецах».

ВЛАХИ ДОЛИНЫ ТИМОКА: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В Восточной Сербии влахи (румыны) проживают, в частности, в Заечарском и Борском округах (рис. 1, см. вклейку). По-румынски эта область называется *Valea Timocului*, по-сербски — *Тимочка крајина*. В болгарской историографии часть этой территории именуется западными окраинами: в XIX в. сербско-болгарская граница проходила немного западнее современной, поэтому села Мали Ясеновац, Халово, Шипиково и Градсково Заечарского округа с 1878 по 1919 г. входили в состав Болгарии. Б. Сикимич выделяет три диалекта румынского языка, распространенных в долине Тимока: *мунтенский (царанский)*, *банатский (унгуриянский)* и *буфанский* (Sikimić 2005: 148–158). Однако в этнографическом плане носители буфанского и банатского говоров представляют собой единую общность и в литературе именуется влахами-унгуриянами (*ungureni*) (Голант, Струтинский 2023: 125).

О присутствии восточнороманского населения на землях Восточной Сербии свидетельствуют различные средневековые источники, в частности акты, регламентирующие налогообложение монастырских крестьян. При этом диалекты румынского языка, на которых в настоящее время говорят влахи Тимокской краины, были принесены на эту территорию переселенцами из Трансильвании и Олтении в конце XVII — XIX в. В нашем распоряжении очень мало письменных свидетельств о Тимокской краине в период с 1396 г. (после взятия турками-османами Видина и его окрестностей) до конца XVII в., когда долина Тимока становится ареной постоянных войн Габсбургской монархии и Османской империи. Во время бесконечных войн значительная часть старого сербского населения Тимокской краины бежит в Валахию и Трансильванию, где частично переходит на румынский язык (происходит так называемое *повлашавање срба*). В конце XVIII в. многие возвращаются в долину Тимока уже будучи носителями румынского языка. В это же время в край прибывают беженцы из Косова и Метохии. Массовый приход румыноязычного населения в долину Тимока в конце XVII в. связан с жестоким подавлением крестьянского восстания в Трансильвании на рубеже XVIII–XIX вв., вызвавшего ухудшение положения крестьян в Олтении (Gacović 2009: 24). Миграции из Олтении продолжались и в XIX в. (Ђорђевић 1926: 439).

Согласно последней переписи, в Восточной Сербии проживает около 34 500 влахов-румын. В 2011 г. в округах Браничево, Бор, Заечар и Поморавлье около 31 500 человек назвали себя влахами и около 3000 человек — румынами (Голант 2022: 322). Среди национальной интеллигенции влахов-румын Восточной Сербии наблюдается раскол, который связан с вопросами языка, идентичности и исторической памяти. Часть влашской (румынской) интеллигенции признает влахов долины Тимока частью румынского народа, настаивая на том, что слово «влах» всегда было экзонимом, а о своем языке влахи Тимокской краины всегда говорили *vorbim rumânește* (Голант 2022: 324). Другие считают влахов отдельным народом со своим языком (*limba vlahă*), который они делят на краинско-тимокский и браничевско-хомольский диалекты. Они подчеркивают связь влахов

с сербской государственностью и репрезентируют себя как потомков коренного населения Мёзии, романизованного во времена Римской империи (Национални совет влаха 2012). Однако значительная часть историков сходится на том, что румынский язык сформировался не в Мёзии, а в Карпато-Дунайской зоне, откуда после славянского, а затем болгарского нашествия восточные романцы расселились по всему Балканскому полуострову, впоследствии распавшись на несколько этноязыковых групп: собственно румын, истрорумын, мегленорумын и арумын (Pop, Bolovan 2013: 39).

В нашем исследовании прилагательное «влашский» употребляется, если оно относится к какому-либо явлению, распространенному среди влахов-румын долины Тимока, например к диалектной лексике. Прилагательное «румынский» мы используем, если речь идет о явлениях, распространенных по всему ареалу расселения румын, в том числе в Тимокской краине.

ОБЫЧАИ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ПОЯВЛЕНИЯ
«ЖИВЫХ МЕРТВЕЦОВ»
В КОНТЕКСТЕ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ РУМЫН
ДОЛИНЫ РЕКИ ТИМОК

В традиционной обрядовой культуре румын долины Тимока погребально-поминальная обрядность сохранилась необычайно в полном виде. Влашские поминальные трапезы поманы (*română*) являются важной составляющей влашской идентичности. Пышность влашского погребально-поминального комплекса отмечают не только сами влахи-румыны Тимокской долины, но и живущие рядом с ними сербы и болгары. У болгар существует устойчивое выражение «объелся как влах на помане» (*наял се като влах на помана*) (Анастасова 2002). У сербов долины Тимока, согласно устному сообщению С. Гацовича, бытует поговорка «Расселся как влах на поминках» (*Раширио се као вла на поману*). Во влашских балладах поманы и поминальные оры (танцы) упоминаются при описаниях Рая. Ср., например, фрагмент баллады «Солнце и Луна» («*Iana Sânziana*»), записанный Ф. Паунеловичем в 2005 г. от Мирослава Чулиновича из с. Шарбановац (Paunelović 2018: 223)¹:

<p>...Îastă mulce mîas incînsă Cu lumîi aprinsa, Veđa mndfe đî uoí, Juca mândri jucatuoí, Lautari cînta, uoía juca, Cînta mândri lautaf, Juca baiaţ cu fîace maí...</p>	<p>...Много столов (поман) С зажженными свечами, Видел большое коло (ора), Красавицы танцевали, В середине играли лаутары, И они были красивы, Парни и девушки танцевали...</p>
---	---

Влахи придают очень большое значение тому, в каких обстоятельствах умирает человек. Считается важным умереть в хорошей одежде и обуви и с зажженной свечой в руках. По словам влахов долины Тимока, в какой одежде человек умрет, в такой он и будет жить на том свете. В связи с этим полагается перед смертью человека переодеть в лучшую одежду и обувь в лучшую обувь. Если родственники не успевают это сделать, можно положить одежду в могилу либо раздать хорошую одежду пришедшим на поминки. Не менее важное условие благополучного перехода в мир иной заключается в том, чтобы в момент смерти покойник держал в руках зажженную свечу: «Свечой покойник освещает себе дорогу на тот свет» (*Este necesar ca în mâinele lui să fie o lumina aprinsă*). Помимо такого объяснения, известного как румынам, так и сербам, существует также христианская трактовка этого обычая. Сербы Воеводины не вкладывают зажженную свечу

¹ В 2022 г. мы повторно зафиксировали эту балладу у того же исполнителя.

в руки умирающему, а ставят ее на стол возле него. Священник, служащий на кладбище в Вршаце, говорил, что «свеча — символ благодарности, а свеча у одра умирающего — это его последняя прижизненная жертва, последнее приношение Богу» (ПМА 2022). Умерший без свечи рискует стать *мороем*. Поминальный обряд (причем даже его мелкие детали, вплоть до формы калачей на поминках) зависит от того, умер человек со свечой (влаш. *cu lumină*) или без свечи (влаш. *în negură* — букв. «в темноте»). Заботясь о посмертной участи умершего без свечи, родственники заказывают специальную «райскую свечу» (влаш. царан. *lumina raiului*, влаш. унг. *lomanarea raiului, numanarea raiului*), а в некоторых селах — великую свечу (влаш. унг. *lomanarea mare*), состоящую из сорока свечей (Оснич, Валаконе), а также постятся в некоторые непостные и даже праздничные дни в течение трех лет после его смерти (Шипиково).

В румынском языке существует немало названий «живых мертвецов» — *спругой (strigoi), морой (moroi), прикулич (priculici)*, — каждое из которых связано с определенными мифологическими представлениями, разнящимися от региона к региону (Hedeşan 1998: 14). Жители обследованных нами в 2022 г. влашских сел Заечарского и Борского округов чаще называют живых мертвецов *мороями*, хотя слово *прикулич* здесь также известно. Рассказывая истории о том, как кто-то из умерших родственников возвращался домой до истечения сорока дней после смерти, респонденты, как правило, не употребляли слово *морой*. При этом на вопрос, являлся ли посещающий свое жилище их покойный родственник мороем, отвечали утвердительно.

Кто становился «живым мертвецом»? «Живыми мертвецами» становились люди, которые долго и мучительно умирали (повсеместно), умерли без свечи либо еще с какими-либо нарушениями ритуала (повсеместно), умерли в понедельник (Шипиково), умерли во вторник (Валаконе), если над ними перед смертью промурлыкала кошка (Валаконе, Оснич, Мали Извор).

Жители обследованных нами сел Тимокской крайины утверждают, что у них не было обычая протыкать иголкой сердце потенциального «живого мертвеца», однако существовал ряд других превентивных мер, способных обезопасить живых, в первую очередь родственников покойного. По словам жительницы села Шипиково, в гроб (влаш. *săndăc*) человеку, который мог стать «живым мертвецом», клали моток конопляных ниток (*fuior de cânepă*). В рот такому покойнику могли положить чеснок и любисток. В селе Шипиково распространено поверье, будто хорошо умереть в воскресенье. Если же человек умирает в понедельник, то он может стать мороем. Потому, для того чтобы он не стал мороем, перед похоронами отрубают головы у двух куриц и кладут их в гроб, «чтобы во гробе было три головы» (ПМА 2022). Такие представления могут быть связаны с апотропической символикой курицы (Antonescu 2016: 277), а также с желанием задобрить покойника, сделать так, чтоб он не возвращался и не убивал кур. По словам респондентки из Шипиково, после смерти прабабушки ее мужа у них целый год не велись куры (ПМА 2022). В Бачевице (влахи-унгуряне) существовал обычай на сороковины по умершему без свечи передавать из дома на улицу через окно белую курицу со вставленными в перья крыльев и хвоста зажженными свечами. Принимающий говорил «*Bog da pruoŝt*» («Господи, прости»), затем курицу убивали (Paunjelović 2018: 109).

Т. Джорджевич в селе Валаконе Заечарского округа (влахи-унгуряне) зафиксировал представление о том, что под особым риском стать «живым мертвецом» находятся родившиеся во вторник. По свидетельству ученого, существовали специальные стихи, которые в этом случае читали на могиле для того, чтобы покойник не возвращался и не причинял вред живым (Ђорђевић 2004: 54).

В ходе прошлогодней экспедиции в селе Шипиково Заечарского округа мне довелось быть свидетелем того, как перед похоронами человека, умершего без свечи, его кровные родственники сверлили дырку в деревянном кресте, который затем будет установлен на могиле, проливали сквозь эту дырку вино, а затем пили его из одной чаши, чтобы «после смерти не стать мороями» (рис. 2, см. вклейку).

Похороны у влахов происходят на следующий день после смерти. На похороны помимо священника, который отпевает покойника, обязательно должны быть приглашены музыканты: скрипач, кларнетист, баянист. У влахов до сих пор сохранились похоронные голошения (Струтинский 2023). Поминальные трапезы совершаются в день похорон, на следующий день (Шипиково, Градсково, Мали Ясеновац) либо в субботу после похорон (Халово, Шарбановац), на сороковой день (*patruzecili / pomana la șase săptămâni*). Помимо индивидуальных голошений, влахи-унгуриане сохранили также коллективные голошения *петрекатуры* (ед. ч. *petrecătura*) (Gacović 2000: 183). В петрекатаурах, исполнявшихся на поминальных трапезах, могли звучать обращенные непосредственно к покойнику призывы посетить трапезу (Paunjelović 2018: 120) либо просьбы к Солнцу и небесным силам привести усопшего на поману, а затем отвести его назад (Durlić 2020: 156). На сороковой день, согласно представлениям, сложившимся в православной церкви (в западнохристианской традиции подобное значение придается тридцатому дню), определяется, куда попадет душа умершего: в рай (*rai*) или в ад (*iad*). В этот день обычно проводят обряд пускания воды (*se sloboade apa* — букв. «освобождается/пускается вода»). Следующие поминки устраиваются на полгода (*pomana la șase luni / pomana la jumătate de an*), затем на год (*pomana la anu*) и дальше каждый год вплоть до седьмого года со дня смерти. В течение первого года со дня смерти проводят поминальный танец *oră de pomână*. В течение года также необходимо поставить памятник на могиле умершего. По словам респондентов, покойник, которому вовремя не поставили памятник, может явиться кому-то из ближайших родственников во сне и спросить о памятнике (ПМА 2022). Правильное исполнение всех предписываемых традицией поминальных ритуалов должна обеспечить не только мирную загробную жизнь усопшим, но и нерушимость границ между миром живых и миром мертвых.

MOROI DE VIU

Считается, что добрые люди умирают легко, а злые долго мучаются перед смертью (Paunjelović 2018: 109). Такие люди могут стать мороями и до смерти. В большинстве обследованных нами сел их называют *moroi de viu* («морой при жизни»), в селе Халово Заечарского округа — *прикулич* (*priculici*). Обычно так происходит, если человек долго и тяжело болеет, но никак не может умереть. Считается, что пока сам человек лежит в постели, душа его может ходить по селу и приносить вред скоту. Большинство респондентов сходится на том, что человек, ставший мороем еще при жизни, вредит скоту не намеренно, а в силу неких естественных законов, над которыми он не властен. Чтобы умирающий перестал быть «живым мороем» (*moroi de viu*), ему делали крестообразный надрез на затылке, так, чтобы потекла кровь, а затем давали выпить несколько капель собственной крови (*sloboade sânge și dă pe în gură*). После этого считается, что он, во-первых, перестает быть мороем и приносить вред окружающим и, во-вторых, сможет легко умереть (ПМА 2022).

Существовали и другие способы облегчить страдания умирающего. В Малом Изворе (влахи-унгуриане) человеку, который долго не может умереть, дают «немой воды» (влаш. *apă mută*). «Немую воду» набирает женщина, высасывая ее из трех источников через трубочку из цикория. От ухода за «немой водой» до возвращения она должна молчать (Paunjelović 2018: 109).

Не только представления о морое при жизни (*moroi de viu*), но и ряд других элементов влашской обрядовой культуры показывает, что человек находится между миром живых и миром мертвых еще до наступления момента смерти: человека моют и переодевают в лучшую одежду, когда чувствуют, что он скоро умрет, голосить (*a se cântă / a se jali*) над ним зачастую начинают еще когда он жив (ПМА 2022).

ОБРАЗ МОРОЯ В РАССКАЗАХ, БЫЛИЧКАХ РУМЫН ДОЛИНЫ ТИМОКА

В селе Мали Ясеновац говорят, что человек, который родился в четверг либо в субботу, и реже — во вторник и четверг может увидеть мороя. Вероятно, такие представления связаны с тем, что в эти дни у влахов чаще всего проводятся поманы — в непостные дни есть возможность провести более пышную поминальную трапезу. Мороя видят также домашние животные. В Шипикове говорят, что если собака укусит мороя, он превращается в холодец (влаш. *peftia*) (ПМА 2022).

Чаще всего влахи рассказывают о возвращении покойных родственников домой до сорокового дня. Покойники могут просто являться, показывать свое присутствие шумом под крышей, но могут и забирать скотину «с собой, на тот свет». Считается, что «живые покойники» возвращаются домой только по ночам. По словам респондентки из с. Градсково Заечарского округа, после смерти свекрови у нее умерла овца. Респондентка подумала, что это свекровь забрала овцу с собой. Чтобы душа усопшей больше не возвращалась, она, раздевшись догола, трижды обошла дом против солнца, окуривая (*a afuma*, рум. «окуривать») его дымом от тлеющей одежды и резиновых сапог умершей. Когда после смерти матери той же респондентки у нее умер поросенок, которого откармливали к Рождеству, ритуал окуривания был повторен.

По сообщению респондента из села Шипикове Заечарского округа, окуривать дом, куда возвращается умерший родственник, лучше вечером до захода солнца. Если окуривать дом после захода солнца, «живой мертвец» может оказаться внутри дома, в таком случае есть риск, окуривая дом, запереть его внутри. В Шипикове обходят вокруг дома в одежде (поскольку здесь ритуал окуривания совершается пока еще светло). Окуривают дом тимьяном, овечьей шерстью либо подожженной резиновой обувью покойника. Существуют также специальные заговоры против мороя (*descântece de moroi*), однако их могут говорить только знахарки.

Считается, что умерший родственник может вернуться, если кто-то в его семье нарушает траур. Например, респондент из села Шипикове рассказывал, что однажды в детстве до истечения сорока дней после смерти одного из родственников он включил музыку, после этого ночью проснулся в ужасе и понял, что не может ни открыть глаза, ни пошевелиться, ни проснуться окончательно, и услышал вопрос: «Почему ты пустил музыку?» В другой раз он услышал стук под крышей, а когда поднялся на чердак, оттуда вылетела птица, хотя обычно птицы туда не залетают. После этого был проведен обряд окуривания дома (ПМА 2022).

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ЖИВОМ МЕРТВЕЦЕ» В ТИМОКСКИХ ВАРИАНТАХ БАЛЛАДЫ О МЕРТВОМ БРАТЕ

Народная баллада о мертвом брате известна румынам, арумынам, албанцам, грекам, сербам, хорватам, болгарам и македонцам. В большинстве вариантов баллады брат/братья выдают сестру замуж на чужбину против воли матери, пообещав ей, что она будет видеться с дочерью. Братья умирают, но (в большинстве вариантов) мать требует исполнить обещание, в результате один из братьев встает из могилы и идет за сестрой, по дороге сестра узнает, что брат — покойник; он приводит сестру к матери, а сам уходит в могилу; мать не узнает дочь, дочь уговаривает мать открыть дверь, они обнимаются и падают замертво. В центре сюжета румынских, арумынских, греческих, албанских, большинства болгарских вариантов — обещание матери и ее проклятие за неисполнение обещания, в центре сюжета сербских, хорватских и западноболгарских вариантов — образ сестры (Макарцев 2011).

В долине Тимока баллада исполняется, как правило, традиционными профессиональными музыкантами-скрипачами (*лаутарами*) на свадьбах, значимых календарных праздниках и т. д. В ходе экспедиции 2022 г. мы записали один из вариантов баллады у выдающегося лаутара из с. Шарбановац Мирослава Чулиновича (Miroslav a lu Ciulin) (рис. 3, 4, см. вклейку).

Во всех румынских вариантах, записанных в долине Тимока, главный герой Дину (сокращенное от *Constandinu* — Константин) становится «живым мертвецом» из-за проклятия матери:

...Fieru și oțelu,	...Железо и сталь
El să putrezească,	пусть гниют,
Să mucegăiască,	плесневеют,
Dar trupșorul tău	Но твое маленькое тельце
Să nu putrezească,	Пусть не гниет,
Pîn tu mi-oi aduce	Пока ты не приведешь мне
Pe Voichita dulce!...	Милую Войкицу!

(Sandu Timoc 1967: 121).

Приведенный здесь вариант записан Кристей Санду Тимоком в с. Александровац (Злокуче) нынешней общины Неготин от информанта Сыма Прунару (Sandu Timoc 1967: 505). Похожими словами описывается проклятие Дину (Константина) в варианте из Банкасы (жудец Телеорман) (Tocilescu 1900: 139). В устной легенде «*Dinu cu Voichița*», записанной С. Гацовичем в 2000 г. в с. Кобишница (влахи-царане), которая, по-видимому, является пересказом баллады, мать прокликает Дину за то, что он навеки разлучил ее с дочерью, говоря: «Не дай Бог тебе умереть, пока не сгниешь и не разложишься, но и тогда пусть тебя земля не примет!» (*Literatura populară a românilor din Serbia de răsărit* 2022: 16). В вариантах, записанных Кристей Санду Тимоком в с. Александровац, отсутствует обращение матери к Дину после его похорон (она заклинает его привезти Войкицу еще при его жизни). Земля не принимает Дину, он встает и едет на белом коне за сестрой (*Poezii populare de la românii din Timoc: nord-estul Serbiei și nord-vestul Bulgariei* 2007: 197). Брат-мертвец едет к сестре, чтоб забрать из далекой страны, куда она была выдана замуж. Она не узнает брата, потому что он «гнилой, как будто из земли» (ПМА 2022). В некоторых вариантах, когда они приезжают домой, Дину просит Войкицу позвать мать. Тексты баллады не дают нам ответа на вопрос, в какой момент Войкица переходит из разряда людей в разряд «живых мертвецов»: как только брат сажает ее на белого коня или уже по дороге домой, но когда она приходит к матери, мать принимает ее за чуму (с. Александровац) либо за самодиву (*Fug' urîto ă-acîjă, Somodivo tu țe ieșc...*) (с. Кобишница). Однако тоска по дочери заставляет ее выйти, они обнимаются и мать падает замертво. Ни в одном из вариантов баллады мы не видим ни намерения Дину погубить сестру, ни намерения Войкицы погубить мать. Будучи «живыми мертвецами», они выполняют то, что им предназначено закланием.

ВЫВОДЫ

Превращение покойника в «живого мертвеца» в представлениях влахов-румын долины Тимока связывается не столько с личными качествами умершего, сколько с нарушениями порядка проведения погребальных и поминальных ритуалов и, что еще более важно, с неблагоприятными обстоятельствами смерти — не дома, без свечи и заготовленной заблаговременно на день смерти одежды. Архаические представления о том, что наглая смерть является следствием несправедливой жизни, долгое время продолжали бытовать в разных уголках христианского мира. С ними, например, связан отказ русских священников XVI в. отпевать Артемия Веркольского, впоследствии прославленного в лике святых (Рыжова 2003). Последствием греховной жизни у влахов-румын долины Тимока считается и слишком долгое и мучительное умирание. Человек, который долго не может умереть, попадает в разряд «живых мертвецов» еще при жизни.

Отсутствие какого-либо атрибута, сопровождающего человека при правильной (в понимании носителей традиции) смерти: зажженной свечи, чистой одежды и обуви и т. д. заставляет родственников покойного принимать дополнительные меры для того, чтобы умерший ни в чем

не нуждался на том свете и чтобы оградить мир живых от возвращения покойника, которое может иметь губительные последствия для живых. С возвращением покойников связывают мор скота и другие убытки домашнему хозяйству. Для защиты от посещения мертвецов, которое, по влашским представлениям, обычно происходит ночью, проводятся специальные ритуалы, в частности окуривание жилища обувью либо одеждой покойного. При этом существуют особые дни, когда встреча с ушедшими в мир иной не только не опасна, но и является для живых желанной. Нам известны унгуриянские *петрекатуры* с прямыми призывами покойника посетить устроенную в его честь поминальную трапезу. Кроме того, на каждой помане накрывают отдельный столик для усопших.

По представлению опрошенных нами жителей румынских сел долины Тимока, ущерб, наносимый живым гостями из иного мира, являющимися в неположенное время, не связан с их личным желанием навредить. Это воспринимается скорее как естественное свойство «живых мертвецов». Существует множество способов обезопасить себя главным образом от тех, чья смерть вызывает сомнения (смерть без свечи, в определенный день, связанный в представлениях жителей того или иного села с морями и т. д.), — заговоры против моряка, чеснок и любисток во рту «сомнительного» покойника, головы двух куриц в гробу и т. д.

В долине Тимока рассказы о «живых мертвецах» и комплекс связанных с ними обычаев характеризуются высокой степенью сохранности и дают богатый материал для сравнительного изучения традиционной культуры Карпато-Балканского региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА 2022 — полевые материалы автора из экспедиции в Заечарский, Борский округа Восточной Сербии (совместно с Н. Г. Голант).

Борђевић Т. Архивска грађа за насеља у Србији у време прве владе кнеза Милоша (1815–1839). Београд: Макарије, 1926.

Гасовић С. Petrecătura: (pesma za ispraćaj pokojnika) u Vlahu Ungurjana. Zaječar: Matična biblioteka «Svetozar Marković», 2000.

Literatura populară a românilor din Serbia de răsărit / ediție introducerea, notele și indice de: Dr. Slavoljub Gacović, conf. univ. dr. Virginia Popović T. V. Zrenianin: Institutul de Cultură al Românilor din Voivodina. Timoșoara, 2022. (в печати)

Точилеску Г. Materialuri folkloristice: Culese și publicate sub auspiciile Ministerului cultelor și învățământului public, Romania. Ministerul Cultelor și Instrucțiunii Publice. Vol. I. București, 1900.

Анастасова Е. Наял се като влах на помана (още веднъж за помана за жив) // Северозападна България: общности, традиции, идентичност. Регионални проучвания на българския фолклор / съст. М. Сантова, И. Станоева. София: Проф. Марин Дринов, 2002. Т. 4. С. 60–64.

Голант Н. Г., Рыжова М. М. Влашские говоры и языковая ситуация в маргинальном дакорумынском ареале восточной Сербии // Язык как ресурс идентичности в Европе: антропологическое исследование / отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 321–354.

Голант Н. Г., Струтинский И. М. Погребальная обрядность влахов долины Тимока. Обзор экспедиции в Восточную Сербию // Славяноведение. 2023. № 2. С. 125–135.

Борђевић Т. Кроз наши румуне. Путописне бележки. Бор: Agiadnae filum, 2004.

Макарицев М. М. К вопросу о картографировании вариантов «Баллады о мертвом брате» // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов / отв. ред. Е. С. Узенева. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2011. С. 321–327.

Национални савет влаха 2012. Национални савет влаха усвојио влашко писмо. 11.08.2012. URL: <http://nacionalnisavetvlaha.rs/%D1%81%D0%B0%D0%BE%D0%BF%D1%88%D1%82%D0%B5%D1%9A%D0%B0-%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%BE-%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BC%D0%BE/> (дата обращения: 21.04.2023).

Рыжова Е. А. Севернорусская агиография в контексте традиционной народной культуры («Почему убитые громом — святые») // Локальные традиции в народной культуре Русского севера: материалы IV научной конференции «Рябининские чтения — 2003». Петрозаводск: Б. и., 2003. С. 22–26.

Струтинский И. М. Музыка лаутаров в погребально-поминальных практиках румын долины Тимока // Живая старина. 2023. № 1 (117). С. 58–62.

Antonescu R. Dicționar de Simboluri și Credințe Tradiționale Românești. Ediție digitală 2016. URL: <https://cimesc.ro/Etnografie/Antonescu-dictionar/Dictionar-de-Simboluri-Credinte-Traditionale-Romanesti-c.html> (дата обращения: 27.05.2023).

Durlić P. Vlasi na zalasku sunca. Majdanpek: Udruženje građana Pekus, 2020.

Gacović S. Vlasi u dokumentima zaječarskog istorijskog arhiva: (1945–1999). Zaječar: Nacionalni savet vlaške nacionalne manjine, 2009.

Hedeșan O. Șapte eseuri despre strigoi. Timișoara: Marineasa, 1998.

Huțanu M., Sorescu-Marinković A. Sisteme ortografice și identitate lingvistică la comunitatea românofonă din estul Serbiei // *Diacronia*, No. 7, aprilie 2018. URL: <https://www.diacronia.ro/ro/journal/issue/7/A106/ro/pdf> (дата обращения: 26.05.2023).

Paunjelović F. Tradicionalna kultura Vlaha Crnorečja. Boljevac: Kulturno-obrazovni centar Boljevac, 2018.

Poezii populare de la românii din Timoc: nord-estul Serbiei și nord-vestul Bulgariei / culese de C. Sandu-Timoc; cu o introducere de N. Cartoian. București: Editura Ager, 2007.

Pop I.-A., Bolovan I. Istoria Transilvaniei. Cluj-Napoca: Editura Eikon, 2013.

Sandu Timoc C. Cîntece bătrînești și doine. București: Editura pentru Literatură, 1967.

Sikimić B. Etnolingvistički pristup vlaškoj duhovnoj kulturi — običaj «kumačenje» // *Actele simpozionului «Banatul, trebut istoric și cultural»*. Timișoara; Novi Sad; Reșița, 2005. P. 148–158.

REFERENCES

Anastasova E. Nayal se kato vlakh na pomana (oshte vednzha za pomana za zhiv) [Overeat Like a Vlach on a Pomana (Once Again on the Pomana for Alive)]. *Severozapadna Bŭlgariya: obshtnosti, traditsii, identichnost. Regionalni prouchvaniya na bŭlgarskiya folklor* [Northwestern Bulgaria: Communities, Traditions, Identity. Regional Studies of Bulgarian Folklore]. Sofiya: Prof. M. Drinov Publ., 2002, vol. 4, pp. 60–64. (In Bulgarian)

Dorđević T. *Kroz naši rumune. Putopisne beležki* [Through Our Romanians. Travel Notes]. Bor: Ariadnae filum Publ., 2004. (In Serbian)

Durlić P. *Vlasi na zalasku sunca* [Vlachians at Sunset]. Majdanpek: Udružene građana Pekus Publ., 2020. (In Serbian)

Gacović S. *Vlasi u dokumentima zaječarskog istorijskog arhiva: (1945–1999)* [Vlachs in the Documents of the Zaječar Historical Archive: (1945–1999)]. Zaječar: Nacionalni savet vlaške nacionalne manjine Publ., 2009. (In Serbian)

Golant N. G., Ryzhova M. M. Vlashskie govory i iazykovaia situatsiia v marginal'nom dakorumynskom areale vostochnoi Serbii [Vlach Dialects and the Linguistic Situation in the Marginal Dakoromanian Area of Eastern Serbia]. *Iazyk kak resurs identichnosti v Evrope: antropologicheskoe issledovanie* [Language As a Resource of Identity in Europe: an Anthropological Study]. Moscow: IEA RAN Publ., 2022, pp. 321–354. (In Russian)

Golant N. G., Strutinskii I. M. Pogrebal'naia obryadnost' vlakhov doliny Timoka. Obzor ekspeditsii v Vostochnuiu Serbiyu [Funeral Rituals of the Vlachs in the Timok Valley. Overview of the Expedition to Eastern Serbia]. *Slavianovedenie*. Moscow, 2023, no. 2, pp. 125–135. (In Russian)

Hedeșan O. *Șapte eseuri despre strigoi* [Seven Essays on the Undead]. Timișoara: Marineasa Publ., 1998. (In Romanian)

Huțanu M., Sorescu-Marinković A. Sisteme ortografice și identitate lingvistică la comunitatea românofonă din estul Serbiei [Orthographic Systems and Linguistic Identity in the Romanian-Speaking Community in Eastern Serbia]. *Diacronia*, 2018, no. 7. URL: <https://www.diacronia.ro/ro/journal/issue/7/A106/ro/pdf> (Acces: 26.05.2023). (In Romanian)

Makartsev M. M. K voprosu o kartografirovanii variantov “Ballady o mertvom brate” [On the Question of Mapping Variants of the “Ballad of a Dead Brother”]. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii. Mezhekul'turnyi i mezhekongressional'nyi dialog slavianskikh narodov* [Slavic World in the Third Millennium. Intercultural and Interconfessional Dialogue Among Slavic Peoples]. Moscow, 2011, pp. 321–327. (In Russian)

Paunjelović F. *Tradicionalna kultura Vlaha Crnorečja* [Traditional Culture of Vlachians of Crnorecje]. Bolevac: Kulturno-obrazovni centar Bolevac Publ., 2018. (In Serbian)

Pop I.-A., Bolovan I. *Istoria Transilvaniei* [The History of Transilvania]. Cluj-Napoca: Editura Eikon Publ., 2013. (In Romanian)

Sandu-Timoc C., Cartoian N. (Ed.) *Poezii populare de la români din Timoc: nord-estul Serbiei și nord-vestul Bulgariei* [The Popular Poetry of Romanians From the Timok Valley: Northern Eastern Serbia and Northern Western Bulgaria]. București: Editura Ager Publ., 2007. (In Romanian)

Sandu Timoc C. *Cîntece bătrînești și doine*. [Old songs and doinas] București: Editura pentru Literatură, 1967. (in Romanian)

Ryzhova E. A. Severnorusskaia agiografia v kontekste traditsionnoi narodnoi kul'tury ("Pochemu ubitye gromom – sviatye") [North Russian Hagiography in the Context of Traditional Folk Culture ("Why Are Those Killed by Thunder – Saints")]. *Lokal'nye traditsii v narodnoi kul'ture Russkogo Severa (Materialy IV nauchnoi konferentsii "Riabininskie chteniia-2003")* [Local Traditions in the Folk Culture of the Russian North (Proceeding the Materials of the Scientific Conference "Riabininskie chteniia-2003")]. Petrozavodsk, 2003, vol. 4, no. 2 (10), pp. 22–26. (In Russian)

Strutinskii I. M. Muzyka lautarov v pogrebal'no-pominal'nykh praktikakh rumyn doliny Timoka [Music of the Lautars in the Funeral and Memorial Practices of the Romanians in the Timoka Valley]. *Zhivaya starina*. Moscow, 2023, no. 1 (117), pp. 58–62. (In Russian)

Sikimić B. Etnolingvistički pristup vlaškoj duhovnoj kulturi – običaj "kumačenje" [Ethnolinguistic Approach to Vlach Spiritual Culture – the Custom of "kumačenje"]. *Actele simpozionului "Banatul, trebut istoric și cultural"* [Proceeding the Symposium "Banat, Historical and Cultural Heritage"]. Timișoara–Novi Sad–Reșița, 2005, pp. 148–158. (In Serbian)

Submitted: 03.05.2023

Accepted: 18.05.2023

Published: 10.07.2023



- 1

Istočni Vlasi, „Carani“: oltenski dijalekat
 Oblasti: Ključ, Negotinska krajina, Timok
- 2

Centralni Vlasi, „Munćani (Padureni)“: subbanatski dijalekat
 Oblasti: Porečka i Crna Reka
- 3

Zapadni Vlasi, „Ungurjani“: banatski dijalekat
 Oblasti: Homolje, Zvižd, Braničevo, Stig, Pomoravlje, Mlava, Resava, Čuprija
- Oaza Bufana rudara u Majdanpeku: amalgam oltensko-banatskog dijalekta**
- Oaze vlaških Roma, Bajaša: Brodica (Kučevo), Lukovo (Boljevac)
- Područje naseljeno srpskim stanovništvom

Izvor: sistematska terenska etnološka i lingvistička istraživanja u periodu 1984-2019, a posebno lingvistička akvizicija građe za potrebe projekta „Vorbar - Nojeva barka vlaške kulture“, u periodu 2011-2019. godine, koja je vršio etnolog P. Durlić sa saradnicima.

Рис. 1. Этнографическая карта расселения владов (румын) Восточной Сербии (Durlić 2020: 41)

Fig. 1. Ethnographic map of the settlement of the Vlachs (Romanians) in Eastern Serbia (Durlić 2020: 41)



Рис. 2. Родственники умершего перед похоронами сверлят дырку в кресте, чтоб пролить через нее вино.
С. Шипиково (Заечарский округ, Восточная Сербия). Фото И. М. Струтинского, 2022 г.

Fig. 2. Before the funeral, the relatives of the deceased drill a hole in the cross in order to pour wine through it.
Village Shipikovo (Začar district, Eastern Serbia). Photo by I. M. Strutynsky, 2022



Рис. 3. Мирослав Чулинович. С. Шарбанавац (Восточная Сербия). Фото И. М. Струтинского, 2022 г.
 Fig. 3. Miroslav Čulinović. The village of Šarbanovac, Eastern Serbia. Photo by I. M. Strutynsky, 2022

Dinu și Voichița

Miroslav a lu Ciulin din Șarbanuț, Valea Timocului

Rubato ♩ = 120

Скрпка

Скр.

Скр.

= 120

Parlando ♩ = 92

Голос

Скрпка

Го.

Скр.

La va-le la va-le, tot pe va-lea ma-re la va-le la va-le
 tot pe va-lea ma-re iast-o ca-să ma-re cu u-șa la va-le,

Рис. 4. Баллада о мертвом брате, записанная в 2022 г. И. М. Струтинским у лаутара Мирослава Чулиновича в с. Шарбанавац. Нотная транскрипция Т. С. Ерлыковой
 Fig. 4. Ballad about dead brother recorded by I. Strutynsky from lautar Miroslav Čulinović in the village of Šarbanovac. Transcription by T. S. Erlykova